

ГАБОР Л. БАЛАЖ
(Сегед, Венгрия)

Падежный синкретизм в истории славянских парадигм

Аннотация: Статья посвящена проблематике падежного синкретизма. Даются конкретные определения этого понятия и классификация его типов. В дальнейшем обсуждаются вопросы падежного синкретизма, причем особое внимание уделяется его проявлению и закономерностям в славянских языках. Представляются наиболее распространенные случаи синкретизма в современных славянских литературных языках и их сопоставление с положением праславянского периода. Затрагиваются определенные проблемы исторических аспектов формального совпадения падежных окончаний и их возможных причин. Статья заканчивается кратким обзором теоретических объяснений синкретизма и подчеркивается применимость естественной морфологии для решения поставленных вопросов.

Ключевые слова: падежный синкретизм, славянские языки, морфология, типология, историческое языкознание

1. Определение и типы синкретизма

1.1. Центральным понятием настоящей статьи является (лингвистический) *синкретизм*. Для этого понятия существует множество определений в литературе, из которых я приведу только несколько примеров¹:

- (1) «функциональное объединение разных форм выражения, нейтрализация противопоставлений (оппозиций); совпадение означающих при различии означаемых» (АХМАНОВА 1969: 406)²;
- (2) «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме» (ЯРЦЕВА (ред.) 1998: 446);

¹ Обширную и подробную (с примечаниями) библиографию синкретизма можно найти здесь: <https://www.smg.surrey.ac.uk/projects/syncretism/bibliography/>

² К приведенной дефиниции дается следующее диахроническое разъяснение: «Сокращение в процессе развития языка числа категориальных слов, реализующих данную грамматическую категорию, сопровождаемое изменением (расширением) функций сохраняющихся категориальных форм и приводящее к грамматической омонимии» (там же).

- (3) «изменение, при котором одна лингвистическая форма начинает охватывать различные функции, ранее выполнявшиеся двумя или несколькими отдельными формами» (перевод мой – Г.Л.Б.) (CAMPBELL, MIXCO 2007: 198);
- (4) «несоответствие между синтаксисом и морфологией» вследствие «неспособности сделать определенное морфосинтаксически релевантное различие» (перевод мой – Г.Л.Б.) (BAERMAN, BROWN, CORBETT 2005: 2);
- (5) «две или более клеток в парадигме лексемы заняты одной и той же формой» (перевод мой – Г.Л.Б.) (STUMP 2001: 212).

В связи с широко распространенным определением (1) следует отметить, что далеко не все языковеды отождествляют синкретизм с нейтрализацией. А. Мартине, например, считает синкретизм морфологическим явлением, в то время как нейтрализация «полностью относится к синтаксису», причем не все случаи синкретизма можно назвать нейтрализацией (МАРТИНЕ 1969: 109). Подобного мнения придерживается и В.К. Журавлев, который толкует синкретизм как один из трех типов нейтрализации, в котором нейтрализуется только означаемое, а оппозиция означаемого сохраняется (ЖУРАВЛЕВ 2004: 58). Несмотря на несогласия такого вида и терминологические различия, сущность синкретизма ощутимо вырисовывается в указанных дефинициях.

1.2. Теоретики языка различают несколько типов синкретизма по различным показателям. Р.О. Якобсон, один из крупнейших знатоков данной темы, утверждает, что кроме *полного* синкретизма существует и *частичный*, «где сходство окончаний ограничивается либо одинаковым числом фонем [...], либо общностью одной из фонем» (ЯКОБСОН 1971: 177). В.И. Георгиев, употребляющий термин *омонимия* вместо синкретизма, пишет о *терпимых* и *нетерпимых* случаях³ (ГЕОРГИЕВ 1969: 179–180). Г. Стамп выделяет четыре типа синкретизма на основе его «направления»: *однонаправленный* (unidirectional), *двунаправленный* (bidirectional), *неопределенный* (unstipulated) и *симметричный* (symmetrical) (STUMP 2001: 212–218). Д. Вундерлих, однако, указывает на то, что в конечном итоге все проявления синкретизма можно возвести к последним двум типам, так как типология Г. Стампа основывается не на грамматических признаках, а, скорее, на особенностях анализируемости. Таким образом, он практически опровергает необходимость направленного синкретизма (WUNDERLICH 2004: 393–394). М. Баерман и др. различают три вида синкретизма: *простой* (simple) синкретизм

³ При нетерпимой омонимии происходит нейтрализация путем перенесения окончания из одного типа склонения в другой (там же).

проявляется, когда минимум две клетки парадигмы (напр. *a* и *b*) совпадают; *вложенный* (nested) синкретизм возникает, когда случаи простого синкретизма наблюдаются в различных категориях внутри одной парадигмы (если, скажем, во мн. ч. совпадают три клетки (напр. *a*, *b* и *c*), а в ед. ч. только две из этих трех (напр. *a* и *b*), то двучленный синкретизм ед. ч. фактически вкладывается в трехчленный синкретизм мн. ч.); *противоположный* (contrary) синкретизм предполагает наличие простого синкретизма в различных парадигмах, случаи которого взаимно исключают друг друга (напр. в парадигме лексики L_1 синкретичны клетки *a* и *b*, в парадигме L_2 – клетки *b* и *c*, а в парадигме L_3 – клетки *a* и *c*) (BAERMAN, BROWN, CORBETT 2005: 13–15).

2. Падежный синкретизм

2.1. Немного суживая и конкретизируя тему анализа, я перейду к рассмотрению падежного синкретизма как особого вида представленного выше грамматического понятия. По сути дела, падежный синкретизм возникает в именной системе определенного языка, когда формы (окончания) двух или более падежей совпадают. В таком случае нейтрализуется оппозиция означающих при сохранении оппозиции означаемых. Данное явление часто встречается в индоевропейских (в том числе и славянских) и вообще во флективных и интрофлективных языках. Гораздо реже оно, например, наблюдается в уральских языках, характеризующихся явным обилием агглютинативных черт. Кроме вышеуказанных типов, случаи падежного синкретизма принято классифицировать, вслед за М. Баерманом, следующим образом:

А) синкретизм ядерных падежей, выражающих грамматические функции субъекта и объекта;

Б) синкретизм ядерного падежа с периферийным падежом;

В) синкретизм нескольких периферийных падежей;

Г) падежный синкретизм, осложненный иной категорией как, например, число.

(BAERMAN 2008: 222)

Данная типология полностью соответствует цели настоящего обзора, так как в славянских языках встречаются все названные типы падежного синкретизма.

2.2. Отдельные случаи падежного синкретизма проявляются во всех славянских именных системах, за исключением болгарской и македонской, поскольку в этих языках склонения уже нет, а остатки падежных форм можно обнаружить лишь в системе личных местоимений. Конкретные схемы падежного синкретизма, однако, не совпадают в различных славянских языках, несмотря на то что определенных параллелей в них, безусловно, много.

В подавляющем большинстве работ, занимающихся проблематикой падежного синкретизма, даются отдельные случаи совпадения двух или более окончаний внутри парадигмы (напр. $I=V$, $P=M$ и т.д.)⁴, несмотря на то что очень часто в данной парадигме есть еще один случай синкретизма. Поэтому правильнее считать такие конфигурации отдельными типами и обозначать их соответственно (напр. $I=V+D=M$ означает, что в парадигме I синкретичен с V и одновременно D синкретичен с M). На такое принципиальное различие обратил внимание У.С. Хемилтон, который именно с целью более наглядного изображения комбинированных случаев падежного синкретизма, пользовался графическим изображением (HAMILTON 1974). Он проследил происхождение и распространение синкретических типов в четырех славянских литературных языках. Дополняя его наблюдения данными остальных современных славянских языков, перед нами раскрывается следующая картина относительно типов падежного синкретизма⁵.

Систему падежного синкретизма существительных целесообразно разобрать внутри категории числа, т.е. отдельно рассмотреть парадигмы ед., мн. и дв. числа, с одной стороны, и различить простые и комбинированные случаи, с другой (таблицы см. в BALÁZS 1999: 83–84). Из последующего анализа исключен вокатив из-за его своеобразного грамматического положения.

В единственном числе, где можно обнаружить 10 простых и 8 комбинированных типов синкретизма, ситуация довольно сложная. В (позднем) праславянском языке было 7 синкретических типов, причем в современном чешском есть 10, в польском – 9, в словацком, сербохорватском, русском, украинском и белорусском – 7, в лужицких языках – 6, а в словенском всего 5. Из праславянских образцов ни один славянский язык не сохранял более чем 4, в то время как возникло 13 новых типов. Самыми распространенными типами являются представители простого синкретизма $I=V$ (тип А Баермана (см. выше); во всех языках, кроме словенского), $V=P$ (тип Б, в 6 языках), $M=D$ (тип В, в 8 языках)) и комбинированные формулы $I=V+P=M=D$ (везде), $I=V+M=D$ (7х) и $V=P+M=D$ (7х). Наоборот, весьма непродуктивные типы представляют собой $I=V=P+M=D$ (чешск. *moře, dárce*), $I=P+V=M=D$ (чешск. *duše, bohyně*), $I=V=P=M=D$ (чешск. *znamení*), $I=V=P=M=D=T$ (чешск. *paní*), $I=P=M=D$ (польск. *bogini*) и $V=T+M=D$ (луж. *žona, ruka, duša, zemja*). Особенно интересными являются чешский тип *paní* и лужицкий *žona*, поскольку это единственные примеры синкретизма T с каким-либо

⁴ Сокращения падежей: I – именительный, V – винительный, P – родительный, D – дательный, T – творительный, M – местный (предложный), Ab – отложительный.

⁵ Подробнее см. (БАЛАЖ 1993; 1999: 81–86).

другим падежом в ед.ч. Праславянские образцы $P=M$ (**kamy*, **svekry*) и $I=M=D$ (**bogyŋi*) исчезли бесследно.

Во множественном числе характерно небольшое количество синкретических типов (8), из которых чаще всего встречаются $I=B$ (9х) и $B=P$ (6х). Только в сербохорватском отсутствуют оба варианта, вместо них мы находим $I=B+M=D=T$ (единственный комбинированный синкретизм во мн. ч.) и $M=D=T$. В словенском вместо $B=P$ фигурируют 0 (т. е. отсутствие любого синкретизма⁶: *rāk*, *kōnj*, *krāj*) и $I=B=P$ (*nit*). Последний тип можно найти и в чешском (*znamení*), и в польском (*mysz*). Из четырех первоначальных синкретических образцов праславянского языка – 0, $I=B$, $B=T$ и $A=T$ – только в чешском уцелели все, при двух новых: $I=B=T$ (*nos*, *břeh*) и вышеупомянутый $I=B=P$ (*znamení*). Таким образом, в современном чешском языке употребляются всего 6 синкретических типов, в польском и словенском – 3, а во всех остальных языках – 2.

Двойственное число сохранилось только в словенском и лужицких языках, но вместо праславянского синкретического типа $I=B+P=M+D=T$ в словенском находим два новых: $I=B+D=T$ (*rāka+rākoma*) и $I=B=P+D=T$ (*nīti+nītma*). В лужицких языках также два типа, но они отличаются как от праславянского, так и от словенских образцов: $I=B+D=T=M$ (*nosu+nosomaj/nosoma*)⁷ и $B=P+D=T=M$ (*nanow/nanowu+nanomaj/nanoma*). Таким образом, вместо ожидаемого упрощения в дв.ч. этих современных языков наблюдается осложнение в силу развития категории одушевленности и своеобразных акцентуационных парадигм.

Случаи совпадения между формами из обоих чисел определенной парадигмы (тип Г М. Баермана)⁸ сравнительно редко трактуются в литературе, несмотря на то что они часто указывают на интересные закономерности славянских морфологических систем. Нулевое окончание, например, встречается только в И ед. ч. и Р мн. ч. (и в соответствии с упомянутыми выше случаями $I=B$ и $B=P$, также в В ед. ч. у неодушевленных и в В мн. ч. у одушевленных существительных в указанном порядке) (ЯКОБСОН 1971: 169 и сл.). Окончание /-a/, в свою очередь, выступает лишь в И и В обоих чисел, и Р ед. ч. и т.д. (HENTSCHEL 1991: 41–45).

⁶ С учетом различий в акцентуации. Например, форма И мн. ч. *rāki* таким образом не совпадает с формой Т мн. ч. *rāki*.

⁷ В лужицких примерах знак / обозначает верхнелужицкий/нижнелужицкий варианты.

⁸ Этим явлением в своей статье (см. выше) У.С. Хемилтон вообще не занимается.

2.3. Выше уже были упомянуты некоторые исторические аспекты падежного синкретизма, к которым следует добавить следующие факты. При анализе парадигм позднего праславянского языка, с одной стороны, и современного литературного чешского, польского, русского и сербохорватского языков, с другой, У.С. Хемилтон приходит к заключению, что вследствие известных изменений с праславянской эпохи отдельные славянские языки развивали довольно разные именные парадигмы. Из разобранных систем чешский язык имеет наиболее сложную систему, сербохорватский является самым простым, в то время как польский и русский близки к среднему. В отношении всех четырех языков очевидно, что они пережили значительные изменения в конфигурации и субстанции своих структурных компонентов, причем почти в точности сохранили тот же самый тип и то же самое количество компонентов, которые они унаследовали от систем ед. и мн.ч. праславянского языка (HAMILTON 1974: 64). Относительно замечаний Хемилтона можно сказать, что они действительно не только для избранных им языков, но и для остальных славянских языков. Однако, его наблюдения можно в некоторых отношениях уточнить.

Из всех современных славянских литературных языков, безусловно, сложнейшую систему парадигм имеет чешский язык: в нем 16 типов синкретизма. За чешским следует польский, в котором число типов совпадает с реконструированным праславянским – 12. В верхне- и нижнелужицком мы находим одинаковое число синкретических образцов: 10. Во всех остальных языках имеется не больше 9 отдельных типов. Таким образом, кажется, что наиболее общая тенденция в «развитии» славянского именного склонения с праславянских пор – это упрощение морфологической системы. Такой тенденции противостоит лишь польский язык, а в чешском наблюдается противоположное направление. Другую крайность представляют болгарский и македонский, в которых именная система утратила падежи, причем создалась совершенно иная грамматическая структура.

Дальнейшие открытия можно сделать путем сравнения синкретических типов в отдельных языках. Если мы посмотрим, сколько общих образцов в любых двух славянских системах, выяснится, что кроме верхне- и нижнелужицкого – в которых синкретические парадигмы совпадают – нет ни одного языка, имеющего более восьми общих типов с любым другим. С другой стороны, довольно часто обнаруживаются случаи, в которых число общих образцов относительно большое: семь или восемь. Между ними предполагается значительное типологическое сходство, по меньшей мере более значительное, чем в иных случаях. Итак, на основе совпадений и различий типов падежного синкретизма, чешский язык имеет сравнительно высокую степень сходства с праславянским,

словацким, польским и словенским; польский язык – со словацким, украинским, белорусским, русским, чешским и лужицкими языками; словацкий язык – с польским, русским, чешским, украинским и белорусским; лужицкие языки – с польским; словенский язык – с чешским; русский язык – с белорусским, украинским, словацким и польским; украинский язык – с белорусским, польским, русским и словацким; белорусский язык – с русским, украинским, польским и словацким; сербохорватский язык не имеет такое близкое сходство ни с одним другим славянским языком. Из сказанного следует, что к праславянской системе именных парадигм ближе всех стоит современный чешский язык. Кроме того, достаточно осязаемо вырисовываются языковые группы, которые лишь частично совпадают с традиционной географической группировкой. Тот факт, что словенский морфологически ближе к чешскому, чем к сербохорватскому, наверно, объясняется бывшим сожительством западно- и южнославянских племен в Паннонии. Причины же относительной изоляции сербохорватского языка, скорее всего, следует искать в том, что носители данного языка живут ближе всех к болгаро-македонской области.

2.4. Картина случаев падежного синкретизма в современных славянских морфологических системах является результатом многовекового исторического процесса. Количество типов и конкретных случаев синкретизма в реконструированной именной парадигме праиндоевропейского языка было довольно ограниченным. По всей вероятности, в единственном числе выступал только тип И=В (в некоторых типах склонения, а также у существительных среднего рода). Синкретизм отложительного и родительного падежа не был полным из-за различных окончаний в склонении основ на *-ō-*, а в других парадигмах всех чисел окончания отложительного падежа совпадали с окончаниями дательного. (В праславянском аблатив уже перестал существовать как самостоятельный падеж, так как его функции выполнял родительный.) Во множественном числе синкретизм И=В был общим для всех склонений, а других типов (кроме только что отмеченного случая аблатива) не было. В двойственном числе предполагаются два общих для всех парадигм типа: И=В и Д=Т (SZEMERÉNYI 1999: 159–160; BEEKES 1995: 173, 194–195). О том, что случаи синкретизма в дв. ч. стали распространяться быстрее, чем в остальных числах, свидетельствуют ведийские тексты, в которых везде наблюдаются обязательные типы И=В, Д=И(=Абл) и Р=М (ЕЛИЗАРЕНКОВА 1982: 199–200). В старославянском языке прослеживаются те же самые типы синкретизма в дуалисе.

Последующее появление все новых и новых типов падежного синкретизма в славянских языках объясняется прежде всего

фонологическими причинами. Как известно, исторические процессы по закону открытого слога и слогового сингармонизма в эпоху праславянского языка привели к коренным изменениям в форме окончаний, часто реализуемых в совпадении определенных падежных форм.

3. Типологические интерпретации

Кажется уместным сделать несколько замечаний относительно типологических аспектов падежного синкретизма. По свидетельству базы данных по синкретизму Саррейского университета⁹ (<https://www.smg.surrey.ac.uk/syncretism/>) можно установить, что самым распространенным типом синкретизма является формальное совпадение окончаний ядерных падежей (тип А), т. е. И=В. Этот тип встречается в 30 из 40 языков, вообще обладающих падежным синкретизмом. Синкретизм В=Р (Тип Б, т. е. синкретизм одного из ядерных падежей с любым периферийным падежом) встречается в 27 языках из 40 вместе с типом А. Случаи типов В и Г являются сравнительно редкими в этой базе данных (всего в 5 языках из 40, всегда вместе с типами А и Б) (BAERMAN 2008: 222). Данные славянских языков вполне совместимы с приведенными фактами, но следует добавить, что тип В, особенно М=Д (самостоятельно или в комбинированных конфигурациях И=В+Р=М=Д, И=В+М=Д и В=Р+М=Д в ед. ч.), гораздо чаще наблюдается в славянских, нежели в других языках саррейской базы данных. Распространенность данного типа, таким образом, является одной из характерных типологических черт славянских морфологических систем (в терминологии естественной морфологии – определяющее систему структурное свойство [system-defining structural property]¹⁰). Для объяснения закономерностей распространения определенных типов падежного синкретизма существует несколько теорий.

3.1. В.И. Георгиев считает, что совпадения определенных падежных окончаний не случайны, так как «они являются результатом действия морфосинтаксических законов, обусловленных функцией данного падежа и его местом в строе предложения». В связи с синкретизмом И=В он пишет так: «В предложениях типа *Отец построил дом. – Мать любит дочь.* подлежащее и дополнение имеют нулевое окончание, но смысл ясен: он определяется местом соответствующей синтаксической категории в предложении, т. е. порядком слов. Следовательно, винительный и именительный падежи (в вертикальном ряду) могут совпадать, потому что имена, стоящие в этих падежах, *гетерокатегориальны* и *гетеротопичны* в предложении. [...] Нормальный строй

⁹ Из славянских языков в базе данных представлен только словенский язык.

¹⁰ Ср. DRESSLER et al. 1987: 59–65.

(простого) предложения определяет падежи как *тавтокатегориальные* и *гомотопические*, с одной стороны, и как *гетерокатегориальные* и *гетеротопические* – с другой. Это может быть выражено следующей самой общей формулой: $S - (C^1) - V - O^d - O^a - (C^2)^{11}$. Таким образом получают оппозиции винительный ↔ дательный падеж и творительный ↔ местный падеж, при которых омонимия нетерпима». Для большинства славянских языков (включая праславянский) он определяет как «терпимые» следующие случаи синкретизма: И=В, В=Р, В=Т, В=М, Р=Д, Р=М, Д=М, Д=Т, И=Т, а как «нетерпимые» – *И=Р, *И=Д, *И=М, *В=Д, *Р=Т, *Т=М (ГЕОРГИЕВ 1969: 25–27, 175–180).

3.2. Синкретизм ядерных падежей, по мнению П.М. Аркадьева, отражает так называемый «принцип Иерархии Агентивности» Р.М.У. Диксона. Иерархия Агентивности существительных выглядит так: личные имена > люди > животные > прочие. «Из сформулированного принципа, в частности, вытекает, что [...] если в языке с противопоставлением Nom ~ Acc имеется их синкретизм у лексем, занимающих более высокое положение в Иерархии Агентивности, то такой синкретизм имеется и у лексем, занимающих более низкое положение в Иерархии Агентивности». Языковые данные подтверждают этот принцип, например, синкретизм И=В у неодушевленных, неличных существительных и существительных среднего рода в большинстве индоевропейских языков может быть объяснен на основе данного принципа. Для типологического анализа синкретизма ядерных и периферийных падежей П.М. Аркадьева применяет другое средство – «Иерархию падежей», ссылаясь на Б.Дж. Блейка: Nom > Acc > Gen, Dat > остальные периферийные падежи¹². «Ограничение на падежный синкретизм, сформулированное в терминах Иерархии падежей, выглядит так: систематическими и диахронически стабильными могут быть только такие случаи падежного синкретизма, которые затрагивают падежи, расположенные рядом на Иерархии падежей. Тем самым Иерархия допускает синкретизм ядерных падежей (NomAcc), «маркированного» ядерного падежа с одним из «грамматических» периферийных (AccGen или AccDat), разнообразные случаи синкретизма периферийных падежей, а также синкретизм обоих ядерных падежей с «грамматическими» периферийными падежами (NomAccGen или NomAccDat). Напротив, Иерархия предсказывает, что нарушающие её случаи синкретизма, например NomDat или AccIns, не будут систематическими и диахронически стабильными» (АРКАДЬЕВ 2005: 214–215).

¹¹ В этой формуле С (=circumstantia) обозначает разновидности обстоятельства или предложного оборота.

¹² У Блейка иерархия падежей сформулирована, на самом деле, так: “In a number of Slavic languages including Polish, Czech, Slovak and Serbo-Croatian the following system is found: nom acc gen dat loc inst” (BLAKE 1994: 157).

3.3. В теории *естественной морфологии* явления синкретизма в основном считаются проявлением важного системозависимого (языкоспецифичного) фактора – принципа *конгруэнции системы*. Согласно теории естественности морфологическая система любого агглютинативного или флективного языка определяется факторами конгруэнции (системособразности). Флективные системы стремятся к усилению черт, уже доминирующих в данной (под)системе. Доминанция характеризуется высокой степенью типовой частотности и/или продуктивности (ср. DRESSLER et al. 1987: 59 и сл.; WURZEL 1989: 74–111). В данном случае это значит, что типы синкретизма, доминирующие в морфологической системе языка, не только стабильны, но и способны распространяться в таких парадигмах, в которых их раньше не было. Ярким примером такой «экспансии» является постепенное распространение окончания И мн. ч. ударного /-a/ у существительных мужского рода (типа *городá*) в русском языке. Данный процесс приводит к синкретизму окончаний Р ед. ч. и И мн. ч. (тип Г), уже доминирующему у существительных женского и среднего рода (ср. формы *жены, кости, поля, окна*, которые различаются лишь местом ударения). Г. Хентшель, подробно рассмотрев данное явление, подводит итоги так: «[М]аркер /-a/ в И. мн. ч. м.р. соответствует общей тенденции к унификации схем формальной дифференциации, к формальному совпадению Р. ед. ч. и И. мн. ч. Кстати, можно отметить, что этот синкретизм или, по крайней мере, формальное сходство между Р. ед. ч. и И. мн. ч. – общий признак индоевропейских языков¹³» (HENTSCHEL 1991: 44).

П.М. Аркадьев в конечном итоге тоже прибегает к принципам естественной морфологии при объяснении синкретизма ядерных падежей: «Те случаи синкретизма, которые встречаются в языках часто, как правило, оказываются систематическими и диахронически стабильными (являются «естественными» в терминах работы Dressler (ed.) 1987). Напротив, редко встречающиеся случаи синкретизма почти всегда несистематичны и имеют тенденцию к исчезновению из языка в процессе его развития». В связи с судьбой праславянских существительных типа *kamy, svekry* и *mati*, И и В падежи которых еще различались (ср. формы В ед. ч. *kamenъ, materъ*), а в современном русском языке (и не только в нем) их окончания уже совпадают, он устанавливает: «Объяснение такого исторического процесса, противоречащего ожиданиям, связанным с Иерархией Агентивности, тем не менее довольно просто: лексемы типа **камь** и **свекры** явно не удовлетворяли важному свойству, которое В.У. Вурцель [...] называет «гармонией системы» (*system congruity*), несколько

¹³ Г. Хентшель приводит убедительные примеры из следующих языков: латинский, греческий, готский, санскрит, тохарский А, английский, немецкий и сербохорватский (там же).

огрубляя, можно сказать, что соответствие некоторого словоизменительного класса «гармонии системы» заключается в том, насколько он похож на другие словоизменительные классы данного языка. [...] В результате эти лексемы перешли как раз в те типы склонения, которые были, с одной стороны, наиболее продуктивными, а с другой – наиболее «подходили» для приема слов типа **камы** и **свекры**. Тем самым требования «гармонии системы» оказались сильнее Иерархии Агентивности» (АРКАДЬЕВ 2005: 214–217).

На основе приведенных фактов можно с уверенностью установить, что применение средств теории естественной морфологии для толкования явлений падежного синкретизма является надежным методом, благодаря, между прочим, включению в анализ исторического языкознания, с одной стороны, и языковой типологии, с другой.

Литература

- АРКАДЬЕВ П.М. (2005) Типология и диахрония: наблюдения над падежным синкретизмом в славянских языках // Топоров В.Н. (отв. ред.) Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. Москва, 2005. 210–223.
- АХМАНОВА О.С. (1969) Словарь лингвистических терминов. Издание второе, стереотипное. Москва, 1969.
- БАЛАЖ Г.Л. (1993) Падежные синкретизмы в славянских языках // Fejér Á., Н. Tóth I., Bognár F., Bibok K. (szerk.) Magyarok és szlávok. Szeged, 1993. 395–403.
- ГЕОРГИЕВ, В.И. (1969) Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969.
- ЕЛИЗАРЕНКОВА Т.Я. (1982) Грамматика ведийского языка. Москва, 1982.
- ЖУРАВЛЕВ В.К. (2004) Диахроническая морфология. Издание второе, стереотипное. Москва, 2004.
- МАРТИНЕ А. (1969) Нейтрализация и синкретизм // Вопросы языкознания, 1969. № 2. 96–109.
- ЯКОБСОН Р.О. (1971) Морфологические наблюдения над славянским склонением // Selected Writings II. Word and Language. The Hague – Paris, 1971 (1936). 154–183. DOI: [10.1515/9783110873269.154](https://doi.org/10.1515/9783110873269.154)
- ЯРЦЕВА В.Н. (ред.) (1998) Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е (репринтное) издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 года. Москва, 1998.
- BAERMAN M. (2008) Case Syncretism // Malchukov A.L., Spencer A. (eds.) The Oxford Handbook of Case. Oxford, 2008, 219–230. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0015](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199206476.013.0015)
- BAERMAN M., BROWN D., CORBETT G.G. (2005) The Syntax-Morphology Interface. A Study of Syncretism. Cambridge, 2005. DOI: [10.1017/CBO9780511486234](https://doi.org/10.1017/CBO9780511486234)
- BALÁZS L.G. (1999) A szláv főnévragozás történeti vizsgálatának metodológiai vonatkozásai. Szeged, 1999.
- BEEKES R.S.P. (1995) Comparative Indo-European Linguistics. Amsterdam/Philadelphia, 1995. DOI: [10.1075/z.72](https://doi.org/10.1075/z.72)

- BLAKE B.J. (1994) *Case*. Cambridge, 1994.
- CAMPBELL L., MIXCO M.J. (2007) *A Glossary of Historical Linguistics*. Edinburgh, 2007.
- DRESSLER W.U., MAYERTHALER W., PANAGL O., WURZEL W.U. (1987) *Leitmotivs in Natural Morphology*. Amsterdam/Philadelphia, 1987. DOI: [10.1075/slcs.10](https://doi.org/10.1075/slcs.10)
- HAMILTON W.S. jr. (1974) Deep and Surface Changes in Four Slavic Noun Systems // *Linguistics*, 1974/127. 27–73. DOI: [10.1515/ling.1974.12.127.27](https://doi.org/10.1515/ling.1974.12.127.27)
- HENTSCHEL G. (1991) Роль схем формальной дифференциации в историческом развитии флективной системы русского существительного // *Russian Linguistics*, Volume 15, 1991. 31–51. DOI: [10.1007/BF02529503](https://doi.org/10.1007/BF02529503)
- STUMP G.T. (2001) *Inflectional Morphology. A Theory of Paradigm Structure*. Cambridge, 2001. DOI: [10.1017/CBO9780511486333](https://doi.org/10.1017/CBO9780511486333)
- SZEMERÉNYI O.J.L. (1999) *Introduction to Indo-European Linguistics*. Oxford, 1999.
- WUNDERLICH D. (2004) Is There Any Need for the Concept of Directional Syncretism? // Müller G., Gunkel L., Zifonun G. (eds.) *Explorations in Nominal Inflection*. Berlin, 2004. 373–395. DOI: [10.1515/9783110197501.373](https://doi.org/10.1515/9783110197501.373)
- WURZEL W.U. (1989) *Inflectional Morphology and Naturalness*. Dordrecht/Boston/London, 1989.

Case syncretism in the history of Slavic paradigms. The article is devoted to the problem of case syncretism. Specific definitions of this concept and the classification of its types from different periods of linguistic research are given. Further on, the issues of case syncretism are discussed, with special attention paid to its manifestation and regularities in the Slavic languages. The most common cases of syncretism in modern literary languages are presented and compared to the situation of the Common Slavic period. The problems of certain historical aspects of the formal concurrency of case endings and their possible causes are touched upon. The article concludes with a brief review of the theoretical explanations of syncretism and stresses the applicability of natural morphology to solve the questions posed.

Keywords: case syncretism, Slavic languages, morphology, typology, historical linguistics